

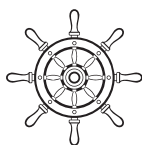
ПОЛЯРНАЯ
КЛАССИКА

Фритъоф Нансен

Фритъоф Нансен

Шпицберген

Paulsen
2019

УДК 910.4
ББК 26.8г
Н255

*Текст публикуется по изданию:
Нансен Ф. Шпицберген;
перевод с норв. А. и М. Иоргенсен / Собрание сочинений.
Л.: Изд-во Главсевморпути, 1938. — 464 с.*

Благодарим ФГУП «ГТ «Арктикуголь»
за поддержку настоящего издания

Нансен, Фриттьоф.
Н255 Шпицберген / Ф. Нансен. — Москва: Паулсен, 2019. — 352 с.,
илл. — 54.

ISBN 978-5-98797-234-2

Книга выдающегося норвежского полярного исследователя Фриттьофа Нансена посвящена его экспедиции 1912 г. на парусно-моторной яхте «Веслемё» вдоль берегов Шпицбергена и издана на норвежском языке в 1920 г. Впервые на русском языке книга опубликована в 1938 г. в издательстве Главсевморпути; предисловие было написано российским океанологом, геофизиком, исследователем Арктики В. Ю. Визе (1886–1954).

Настоящее издание продолжает серию книг «Полярная классика», выходящих в издательстве «Паулсен».

Фото на контртитule: Библиотека Конгресса США.

Иллюстрации: Ф. Нансен.

Географические названия в тексте и подрисуночных подписях приведены в современном написании, на картах и схемах — оставлены в авторской редакции

УДК 910.4

ББК 26.8г

ISBN 978-5-98797-234-2

© Паулсен, 2019

Вступительное слово

Фритъоф Нансен — норвежский полярный исследователь, основатель новой науки — физической океанографии, политический деятель, гуманист, лауреат Нобелевской премии мира. «Нансен был велик как полярный исследователь, более велик как ученый и еще более велик как человек», — написал о своем соотечественнике один из крупнейших океанологов мира Харальд Свердруп.

В своей первой экспедиции в 1882 году к архипелагу Шпицберген и острову Ян-Майен Нансен уже сделал серьезное научное открытие: лед формируется на поверхности, а не на глубине 100 метров. А плавающий в океане древесный ствол, который оказался сосной из Сибири, навел его на мысль о том, что в полярной области существует сквозное течение. В дальнейшем знаменитый дрейф на «Фраме» (1893–1896) подтвердил его догадку о существовании трансарктического течения с востока на запад. В 1912 году Нансен отправляется к Шпицбергену на собственной яхте «Веслемё», чтобы продолжить исследование переноса атлантических вод Северный Ледовитый океан, а также установить природу глубинных вод Полярного бассейна, не до конца изученных во время дрейфа «Фрама».

Именно этой экспедиции на «Веслемё» посвящена книга, которую вы держите в руках. Впервые на русском языке она была издана в 1938 году и сразу завоевала популярность благодаря выдающемуся таланту Нансена как писателя и художника. Каждый читатель может здесь найти то, что ему интересно: красочные описания природы, размышления о причинах исчезновения моржей и китов в прибрежных водах Шпицбергена, об изменениях климата архипелага, о разработке угольных копей, об особенностях геологического строения, о разнообразных формах поверхности на Шпицбергене. Не обходит Нансен и трагическую судьбу германской экспедиции Шредера-Штранца и русской экспедиции Русанова, с которыми Нансен разминул всего лишь на несколько дней. Случись эта встреча — и, возможно, удалось бы избежать трагического исхода этих экспедиций.

В 2020 году Договору о Шпицбергене, по которому Норвегия получила суверенитет над архипелагом, исполняется 100 лет. В память о Фритъофе Нансене, выдающемся норвежце, трест «Арктикуголь» совместно с издательством «Паулсен» переиздает его книгу «Шпицберген».

Генеральный директор ФГУП «ГТ «Арктикуголь»

А. Веселов

Предисловие

Когда Ф. Нансен в 1888 году совершил свое знаменитое пересечение Гренландии на лыжах, он был доктором зоологии, имея специальностью гидробиологию. Экспедиция на «Фраме» (1893–1896), во время которой перед Нансеном встали совершенно новые и исключительно большого значения вопросы в области физической океанографии, заставила норвежского ученого отойти от гидробиологии и со всем свойственным ему жаром отдаться служению океанографии — тогда еще совсем молодой науке, не имевшей даже достаточно точной методики исследований. Несовершенство этой методики со всей очевидностью открылось Нансену еще на борту «Фрама», а по возвращении из Полярного бассейна¹, когда Нансен был занят обработкой произведенных во время дрейфа «Фрама» гидрологических наблюдений, он должен был с горечью констатировать, что вследствие недостаточно точных методов наблюдений многие вопросы не могли быть разрешены. «Я понял, — писал Нансен, — что дальнейшие исследования в области физической океанографии будут иметь мало значения, может быть, даже никакого, если они не будут проводиться с помощью гораздо более точных методов, чем до сих пор».

Вполне понятно поэтому, что вскоре по возвращении из экспедиции на «Фраме» Нансен стал уделять работам по созданию новых методов океанографических исследований очень большое внимание. Он был одним из главных инициаторов организации Международного совета по изучению морей, и по его мысли в Осло (тогда еще Христиании) в 1902 году была учреждена Центральная океанографическая лаборатория, которой Нансен и заведовал. Главной задачей этой лаборатории являлась выработка новых методов наблюдений, а также создание новых приборов. Сам Нансен сконструировал несколько гидрологических приборов, из которых особенно хорошо известен так называемый батометр Нансена, широко применяющийся на практике и советскими океанографами. Работы Международного совета по изучению морей и Центральной океанографической лаборатории были весьма плодотворными, и именно благодаря этим работам и была создана современная океанография. Это время — первое десятилетие текущего века — было по справедливости названо «золотым веком» океанографии. Ведущей страной в области океанографических исследований была тогда Норвегия, и возглавлял эти исследования Фритъоф Нансен.

Работая над усовершенствованием методики океанографических исследований, Нансен в то же время испытывал новые методы на практике, совершив несколько плаваний в Норвежском море и Атлантическом океане. Политические события 1905 года (отделение Норвегии от Швеции), а затем дипломатическая

¹ Полярный (Арктический) бассейн — глубоководная центральная часть Северного Ледовитого океана, ограниченная континентальными шлейфами Евразии и Северной Америки. — *Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат редактору.*

работа в Лондоне (1906–1908) сильно отвлекли Нансена от научных исследований и не позволили осуществить уже давно намеченное плавание на север от Шпицбергена с целью изучения более совершенными методами тех самых вод, которые впервые были исследованы им во время дрейфа «Фрама». Только в 1912 году обстоятельства сложились благоприятно и Нансен наконец мог выполнить план Шпицбергенской экспедиции. Он отправился к полярному паку на собственной крохотной яхте. Конечно, Нансену лучше, чем кому-либо другому, были известны те трудности, которые слабому судну создают полярные льды. Но средств на более активное и лучше приспособленное для научных работ судно, очевидно, не нашлось, несмотря на то что имя Нансена уже пользовалось мировой известностью, а в своей стране он был национальным героем.

1912 год был очень неблагоприятным в ледовом отношении, а потому Нансену не удалось проникнуть к северу или к северо-западу от Шпицбергена так далеко, как он хотел. Тем не менее эта кратковременная экспедиция в научном отношении увенчалась полным успехом. Популярное изложение научных результатов экспедиции — основное содержание настоящей книги. Эта нелегкая задача удалась Нансену блестяще. В самой общедоступной форме, но вместе с тем и строго научно, Нансен рассказывает о работе экспедиции.

Те вопросы, над которыми 24 года назад Нансен работал на своей маленькой «Веслемё», еще и в настоящее время не потеряли актуальности, и именно они составляют стержень работ больших советских экспедиций, ежегодно посещающих Арктику. Это прежде всего исследования колебаний тепловой мощности атлантических вод, ледовые прогнозы и изучение динамики вод с помощью гидрологических разрезов и суточных станций. Со времени экспедиции на «Веслемё» разработка всех этих основных вопросов арктического мореведения благодаря деятельности советских экспедиций двинулась сильно вперед, и наши познания в этой области сейчас значительно больше, чем во времена Нансена. Но и теперь советскому океанографу приходится еще обращаться к работам великого норвежца, заложившего фундамент научного исследования арктических морей.

В описании плавания к Шпицбергену многогранный талант Нансена выступает со всей полнотой. Нансен не только разносторонний ученый, одинаково хорошо ориентирующийся в вопросах океанографии, гидробиологии, геоморфологии и ряда других дисциплин, он вместе с тем и выдающийся писатель и талантливый художник. Громадное большинство иллюстраций к настоящей книге выполнено самим Нансеном. «Шпицберген» Нансена, появляющийся на русском языке впервые, несомненно, будет встречен советским читателем с большим интересом, в особенности же молодыми кадрами ученых и широкими кругами вузовцев.

От автора

В этой книге описана экспедиция на Медвежий остров и Шпицберген в 1912 году. Разные другие работы помешали автору выпустить ее раньше. Он делает это теперь в надежде, что книга все же содержит кое-что заслуживающее внимания не только мореплавателей, посещающих Шпицберген, но и рядовых читателей, интересующихся географическими исследованиями, — тем более что данные области в настоящее время целиком отошли к Норвегии¹.

Кроме описания самого плавания — по записям в дневнике — в книге даны, в особых главах, обзоры важнейших результатов экспедиции. Кто не интересуется такими научными темами, может пропустить эти главы, руководствуясь их названиями. Желющие более подробных сведений относительно океанографических наблюдений могут найти их в статье автора «Воды Шпицбергена» в «Записках Христианского научного общества» за 1915 год (естественно-математический отдел, № 2)².

Для общей ориентировки читателя сообщается следующее.

Главной целью экспедиции было исследование водных масс и течений в морях, омывающих Шпицберген.

Плавание было предпринято на принадлежащем автору судне «Веслемё», небольшой английской яхте прочной постройки,

¹ Суверенитет Норвегии над Шпицбергеном был закреплен постановлением Парижской конференции 2 февраля 1920 г. — *Примечание редактора первого издания на русском языке Владимира Юльевича Визе (далее по тексту — Прим. В. В.)*.

² *Kristiania Videnskaps-Selskaps Skrifter for 1915. Mat.-Natur. klasse, № 2. Spitsbergen Waters.* — *Прим. В. В.*

с дубовыми шпангоутами и двойной обшивкой: внутренней из тикового³ дерева и наружной — ледовой — из дубовых досок двухдюймовой толщины; носовая часть была защищена ото льдов еще броней из толстого листового железа. Длина «Веслемё» 17,7 метра (57 английских футов); ширина 5,2 метра (12,5 фута), осадка 2,8 метра (9,3 фута). Киль свинцовый в 6 тонн, и достаточное количество переносного чугунного и железного балласта. Водоизмещение брутто 32 регистровых тонны⁴.

Оснащена «Веслемё» как двухмачтовая шхуна и снабжена одноцилиндровым мотором Болиндера⁵, приблизительно в 20 лошадиных сил, дающим возможность в тихую погоду делать около 6 узлов⁶.

Имея в виду океанографические исследования, яхту снабдили также моторной лебедкой для подъема стального троса из больших глубин. Кроме того, имелись на судне ручные лебедки и глубомеры.

«Веслемё» — очень мореходное судно; даже в бурную погоду оно редко принимает волну на палубу и вообще хорошо приспособлено к такого рода морским исследованиям. Но, конечно, измерение глубин при сильной волне все-таки несколько затруднительно вследствие малой величины судна; тут было бы предпочтительнее судно покрупнее, с более спокойным ходом.

В Бергене к экспедиции присоединился магистр Иллит Грэндалль, чтобы помогать автору при океанографических работах. И там же сели на яхту дочь автора Лив (девятнадцати лет) и сын его Коре (пятнадцати лет).

Еще в состав экспедиции входили: боцман Улавес, рыбак из Лангесунна, машинист Якобсен с заводов Болиндера

³Тропическое (малабарское) дерево с чрезвычайно прочной древесиной. — *Прим. В. В.*

⁴90,56 м³. Регистровая тонна — единица объема, равная 100 кубическим футам, или 2,83 м³. Регистровыми тоннами в судоходстве до вступления в силу Конвенции по обмеру судов 1969 г. измерялся объем судна и объем помещения, который можно было занять полезным грузом. Брутто-регистровый тоннаж определялся путем обмера всех внутренних помещений судна, используемых для перевозки как грузов, так и пассажиров.

⁵Болиндер — шведский производитель судовых двигателей.

⁶11,1 км/ч (1 узел — скорость, при которой судно за один час проходит одну морскую милю, равную 1852 м).

в Швеции, палубный юнга Рольф Мо и стюард Карл Ольсен — последние два из Лангесунна, оба в возрасте около девятнадцати лет.

В море команда разделилась на две вахты: в первой числились Улавес и машинист, а во второй — автор и юнга Рольф.

В плавании с таким малочисленным экипажем на долю каждого часто приходилось очень много работы, отчего порой бывало и нудно, и трудно. С особой благодарностью следует отметить усердную работу боцмана Улавеса, его самообладание и добросовестность во всех ситуациях, а также веселую расторопность машиниста Якобсена, всегда державшего мотор в полной исправности и преодолевавшего все затруднения, не отказывавшегося, кроме того, от деятельного участия во всякой другой работе.

Сердечной признательности заслуживает Грёндаль за содействие в научных работах и за всегда интересные, содержательные беседы.

Обязан также автор благодарностью профессору Улафу Хольтедалю⁷ за богатые сведения о Медвежьем острове и доценту Адольфу Гулю⁸ за сообщения о превосходных геологических исследованиях Шпицбергена, произведенных им в последние годы, — отчасти вместе с доцентом Вернером Вереншёльдом.

В заключение — не менее сердечное спасибо Эрику Вереншёльду⁹ за его постоянные советы и указания при изготовлении рисунков и фотографий для этой книги.

Люсакер, октябрь 1920 года

Фритъоф Нансен

⁷Улаф Хольтедаль (1885–1975) — норвежский геолог, работавший в Арктике, участник экспедиций на Шпицберген и Новую Землю. Его именем на архипелаге Шпицберген названы гора на Земле Оскара II и ледниковое плато на острове Западный Шпицберген.

⁸Адольф Гуль (1879–1964) — норвежский геолог и полярный исследователь, участник экспедиции на Шпицберген 1907 г., основатель Норвежского Полярного института.

⁹Эрик Вереншёльд (1855–1938) — норвежский художник. Выполнял литографии по рисункам Ф. Нансена, расписывал стены его виллы в Лисакере.

На север

27 июня 1912 года после полудня мы снялись с якоря у Гамле-Хауген близ Бергена и пошли из Нордс-фьорда к северу. В устье Хьельте-фьорда¹ наши друзья покинули судно и отплыли в моторной лодке Кристиана Микельсена. А мы продолжали свой путь.

По-летнему спокойно дышит вечно изменчивое море. Морские птицы черными точками реют над блестящей морской гладью. Далеко за островками фьорда солнце сверкает в ряби морской, поднимаемой ветром. Какой отдых для утомленного мозга!

Но, словно напоминая, что не всюду здесь так спокойно, зеркальные воды там, вдали, вдруг вскидываются пенистыми бурунами над подводным рифом.

Опоясанная голыми шхерами, лежит страна, давшая нам всем здесь жизнь, а нашим мыслям и стремлениям — внутреннее содержание и цель: это наша родина, наш народ.

Снова работает мотор, надуты белые паруса, и мы идем дальше к северу, вдоль все тех же берегов с их обмытыми волнами, истертыми и отшлифованными островками, шхерами и скалами.

Во всякую погоду, в разных настроениях и по разным делам едут этим путем люди, направляясь — кто на север, кто

¹Хьельте-фьорд (норв. *Hjeltefjorden*) — фьорд вблизи города Берген. Его название происходит от *Hjaltland* — древнескандинавского названия Шетландских островов; торговый путь из Бергена к Шетландским островам пролегал через этот фьорд.

на юг; островки же остаются все такими же голыми, отшлифованными, горные кряжи такими же дикими.

Порой, глядя на них, ощущаешь гнет, как будто еще тяжелей того, который давил и прессовал некогда пласты этих гор; порой же сердцу так легко, как вон той чайке, скользящей над зеркалом моря к западу.

Но как прекрасно и полно мощи это сочетание бесконечного морского горизонта с тысячами низменных островков и шхер, рассыпанных у берегов, на фоне высоких тяжеловесных гор!

И чудится, будто древние, седые горные великаны там, в глубине, в своем тяжелом сверхъестественном упорстве тянутся сотнями корявых узловатых пальцев к юношески-свежему морю; оно же, в своей недосыгаемости, только заигрывает со старцами, потягивается, лукавое и нежное, шепчет и лепечет, ластится и жметя светлыми летними вечерами к берегам и с бешеным грохотом бьется о них зимней ночью, сокрушая все на своем пути, швыряет камни величиной с дом, вперемешку с опрокинутыми лодками и кораблями, — словно в кости играет.

И беспрерывно оно гложет, обмывает, стирает оболочку и плоть берегов. Одни голые кости остаются после игры волн и торчат там и сям.

Ты, вечное, беспокойное море, всегда дающее и всегда берущее! Ты, подобно эйнхериям² в битве, наносящее удары беспощадной рукой, но способное и приласкать ею так нежно, одарить так щедро!.. Ты, непостижимое!.. Загадки глубин твоих вечно привлекают пытливого ум человека. По преданию, один из величайших людей так долго вглядывался и вдумывался в твои течения в проливе Еврипус³, что в конце концов,

²Эйнхерии — избранные храбрецы, вознесенные с поля битвы в Валгаллу, где они, обретя бессмертие, тешатся бранными играми, наносят друг другу смертельные удары и вновь оживают и пируют за столом Одина. (Древнесеверная мифология.) — *Прим. В. В.*

³Еврипус (Эврипов пролив) — узкий (45 м) и неглубокий (8 м) пролив в Эгейском море, отделяющий южный берег греческого острова Эвбея от континентальной Греции. Для пролива характерны обусловленные влиянием полусуточных приливов ярко выраженные течения, меняющие свое направление четыре раза в день.

отчаявшись разрешить твои загадки, кинулся в водовороты, и они его втянули, поглотили⁴.

В могучем круговороте водные массы твои несут одним странам тепло, дающее им жизнь, от других уносят его и покрывают их льдом. Влагой своей ты оплодотворяешь землю.

Ты способствуешь общению людей, поддерживая связь между побережьями, но часто бываешь и жестоким к людям, властно вторгаясь во весь их жизненный обиход на земле.

На следующий день мы обогнули Стад, где голая твердая скала, словно сжатый кулак самой Норвегии, грозит морской пучине, указывая путь туда, где сыны Норвегии завоевали себе славу.

За Олесунном начался туман.

Кому случалось заблудиться зимой в горах во время тумана, когда лыжи вдруг — не успеет человек спохватиться — грозят увлечь его на край пропасти, тому известно приблизительно, что значит для новичка отважиться плыть ночью в густом тумане по заливу Хустад, пробираясь между сотнями шхер и рифов.

В 3 часа утра меня разбудил Удавес. Он стоял на вахте и понять не мог, где мы находимся.

— Наверху загустело, настоящая каша, — заявил он. Он только что увидел неожиданно, чуть не под носом, вежу и какие-то шхеры, так что вынужден был повернуть судно.

По нашим расчетам, мы должны были находиться в проливе прямо перед заливом Хустад; однако земли нигде не было видно. Взяв курс к берегу, чтобы отыскать место для якорной стоянки, мы уловили смутные очертания земли, по которым можно было ориентироваться. И так как туман не рассеивался, оставалось только выйти в открытое море, чтобы попытаться обогнуть все подводные рифы.

Скоро мы перестали различать и землю, и острова, кругом расстилалось лишь море, а над ним держался покров тумана. После четырехчасового плавания мы решили, что мели уже позади, и снова взяли курс к берегу.

⁴Нансен имеет в виду легенду, согласно которой Аристотель, отчаявшись разгадать тайну течений в Эвриповом проливе, бросился в его воды. На самом деле Аристотель объяснил причины возникновения этих течений.

Но вдруг услышали грохот прибоя к северо-востоку от нас и повернули туда. Из тумана вынырнули два островка и шхеры; с разных сторон доносился шум бурунов.

Были ли перед нами какие-нибудь из тех шхер, что, по нашим расчетам, должны были остаться далеко позади нас в море?.. Или мы подошли слишком близко к берегу? Стали забирать к северу. Снова услышали рев прибоя и наткнулись на островок. Пожалуй, мы ушли слишком далеко. Поворачиваем поэтому на юг по направлению к берегу.

Долго идем тихим ходом. Стоим на палубе и вглядываемся в толщу тумана. Вдруг Улавес вскрикивает: «Буруны впереди!» — и мы принимаемся лавировать.

Быть может, это шхеры, расположенные к востоку от Квитхольмского маяка, который мы как раз ищем? Но в таком случае на запад от нас должны находиться земля и фьорд.

И вдруг все в один голос:
— Земля на западе!

Но она пока похожа скорее на одинокий островок. И на нем знак, сложенный из камней.

Мы огибаем его мористее и продолжаем идти к югу, разыскивая мыс с маяком, который должен находиться южнее Квитхольма.

Однако мы долго идем полным ходом — дольше, чем следует по нашим расчетам. И ничего кроме тумана. Очевидно, мы попали куда-то в другое место.

Наконец показался мыс! Как раз в нужном направлении.

Вдруг мы различаем высоко в облаках, выше тумана, скалистые вершины... Это — Стемсхестен.

Берег появляется и снова исчезает в серых клубках тумана.

Внезапно из него показывается пароход, пересекает наш курс и вновь пропадает в восточном направлении. Странно: вероятно, это судно уклонилось к югу от фарватера.

В конце концов мы приближаемся к берегу и подходим к мысу, который, стало быть, лежит гораздо южнее Квитхольма.

Рольф вдруг кричит:
— Буруны впереди!

Мы лавируем. Да, в самом деле буруны, а перед ними опять веха. Это уже ни с чем несообразно. У мыса, который мы ищем, не должно быть ни рифов, ни вехи.

Из тумана выплывают моторные лодки. Мы окликаем одну из них:

— Что это за земля на западе?

— Это Квитхольмский маяк.

Невероятно, но мы, значит, ушли от него в тумане. Вот теперь понятны те островки и шхеры — мы забрали слишком далеко в море. Мимо нас проходит несколько пароходов. Мы снова попали в фарватер. Идем одним путем с ними по направлению к востоку.

И вдруг выходим из тумана. Над нами голубое небо, а там, в глубине, берег с горами и снежными пятнами, искрящимися в лучах заходящего солнца. И при наступившей чудеснейшей летней погоде мы направляемся мимо Кристиансунна по направлению к югу от Смолена и Хиттерна. Лив и Коре, страдавшие морской болезнью в открытом море, теперь оправились и снова радуются жизни.

Пользуясь и парусами, и мотором, мы пошли дальше по Тронхеймскому фарватеру и дальше к северу от Фолла, вдоль Хельгеланна⁵.

Плавание вдоль нурланнского побережья всегда одинаково прекрасно. С каждым разом впечатление оказывается даже сильнее.

Бесконечная смена тысяч островков и шхер, разбросанных кругом, долгая белая ночь... Синее шелковое море, прекрасное, как мечта, солнечный диск из расплавленной меди вдали на морском горизонте, красно-желтый зыбкий столб света на атласной блестящей глади, горные цепи с макушками и ледниками, фьорды, врезающиеся в берега.

Над островками высится круглая тяжелая исполинская голова Торгхаттена с дырой во лбу. Днем глаз тролля неподвижно устремлен в сторону горы Лекамёйя⁶ далеко на юге.

⁵ Хельгеланн — самый южный район Северной Норвегии.

⁶ Лекамёйя (норв. *Lekamøya*) — Дева из Лека, героиня норвежской народной сказки.

В прозрачном воздухе до сих пор еще звучит эхо «Хаконармола» и «Холоиэгьтала» — древних песен скальда Эйвинда Скалдаспиллера⁷ из плодоносной Твотты:

*Гондул и Скогул
посланы Тором
выбор меж конунгов сделать —
кто из них к Одину едет, чтобы в
Валгалле остаться⁸.*

Там же проживал и сын Эйвинда, мудрый нурланнский вождь Харек, ставший на сторону народа против короля Олафа, проповедника бога-Христа.

Дальше к северу в величавом одиночестве восседают Шу-сёстре⁹. Они глядят на море и ждут женихов, чтобы заключить их в свои могучие объятия, когда буря примчит их сюда. Но подалее к северу грозно стоят на страже ревнивый Дёнманн и каменные великаны Томма и Люрёй. А за ними из вод морских подымается во всей своей мощи Хестманн («Всадник»). Плащ падает тяжелыми складками с его плеч на спину коня; нагнувшийся вперед всадник устремляется в небо, словно хочет доскакать до солнца по огромной водной равнине. Это встает из моря сама сказка.

И далеко-далеко впереди, на горизонте, высится Трэнставен, сторожевая башня горной страны эльфов; к северу от нее подымает из моря свою мощную голову Родёй-Лёва, а Свартисен, самый большой ледник северной Норвегии, расстилает свои белоснежные покровы над скалами-исполинами в глубине страны.

⁷ «Хаконармола» — «Слово о Хаконе» и «Холоиэгьтала» — «Родословная халейгов» (халейги — жители нынешней области Хельгеланн) — две поэмы знаменитого Эйвинда — «Губителя скальдов» (т. е. разрушителя канонов древнего стихосложения), жившего в X в. н. э. — *Прим. В. В.*

⁸ Имена двух валькирий, или «дев-воительниц» и посланниц верховного бога древних северян Одина, «отца богов» и «бога браней». Один или его сын Тор, бог военной доблести, посылает валькирий выбирать героев, достойных чести пасть смертью храбрых и быть вознесенными в Валгаллу — обитель эйнхериев, т. е. избранников, где их ждет блаженная вечная жизнь в пирах и воинских потехах. — *Прим. В. В.*

⁹ Шу-сёстре (норв. *Sju søstre*) — горы, состоящие из семи вершин, на о. Алста в провинции Нурланн.

«Всадник»

И потом Вест-фьорд!.. Вечером, при свежем бризе, веющем над ярко-голубой бездной, — что может сравниться с Вест-фьордом! Он был всегда и останется единственным в своем роде — с нескончаемыми громадами скал Лофотенской гряды со стороны моря. Зубцы и ледники уходят все дальше и дальше, пока у границ Рёста¹⁰ горные вершины не растают подобно голубой мечте за морским горизонтом.

А море струит свою темно-синюю выпуклую гладь из необъятного простора.

И со стороны материка, из той же глубины, непрерывно встают новые цепи гор, между которыми поблескивают ледники. Они состязаются с горами Лофотена величиим и бесконечным разнообразием.

Нет, вовек не наглядеться на этот сказочный мир, всегда поражающий своим величием — и в бурю, и в штиль. Это грандиознейшая поэма из скал и волн морских.

Затем мы входим в пролив Рафт, скалистую крепость горных духов, и оттуда в самое сердце скал — в Тролль-фьорд, обиталище троллей.

Лив сидит одна у якорного шпиля. Этот новый неведомый мир полонил юную душу. Она очарована этой могучей природой.

Утром идем дальше на север по проливу, который поражает нас зелеными сочными склонами по обоим берегам, усадьбами и цветущими торговыми местечками с пакгаузами и пристанями, со снующими парусными судами и пароходами. Удивительно богатая красками панорама. Рю-стрём несетя с быстротой горной реки, когда мы пересекаем его при свежем ветре. Кто испытал, как содрогается корабль, увлекаемый стремительным потоком, тот легко поймет, что здешние морские течения, например вышеупомянутый Рю-стрём, а также Москен-стрём у Лофотенов и Сальт-стрём, дали пищу средневековым суевериям и басням о водоворотах Северного моря и бездне, всасывающей корабли. Именно здесь, на дальнем севере, по описанию Адама

¹⁰Рёст — коммуна в составе фюльке (административно-территориальной единицы Норвегии) Нурланн.

Бременского¹¹, любознательный норвежский конунг Харальд (Хордроде?) «едва избегнул разверстой чудовищной бездны, вовремя повернув свои корабли, когда перед его взорами уже начали меркнуть очертания исчезающего мира».

Но мы счастливо миновали «чудовищную бездну» и 3 июля поздно вечером достигли Тромсё.

Тут мы пополнили наши запасы горючего и воды, чтобы хватило на все плавание; пополнили и прочее наше снаряжение. Важнее всего было укрепить на верхушке грота бочку для наблюдения за льдами.

Два дня провели мы здесь на причале за молом.

Об этом моле, между прочим, мы достаточно наслышались на «Фраме» во время его плавания в Северном Ледовитом океане¹². Каждый вечер в те годы слушали мы, к большой нашей потехе, в каюте двух уроженцев Тромсё, Якобсена и Бентсена, препирательства о том, где собственно следовало бы находиться этому молу. Якобсен всякий раз усиленно доказывал, что в том самом месте пролива, где «укреплена на камне веха». Однако к соглашению они так никогда и не приходили, и дело неизменно кончалось потасовкой. После того наступало затишье.

Здесь, за молом, мы находились в безопасности и благословляли его, когда в проливе бушевала буря.

6 июля в ветреную погоду мы пошли дальше по Лапландскому морю¹³ в Хаммерфест.

Маленькая гавань этого самого северного в мире города¹⁴ была битком набита главным образом русскими шхунами, проходящими сюда закупать рыбу и солить ее здесь для продажи на побережьях Белого моря.

¹¹ Ученый каноник и схоластик, живший в XI в. в г. Бремене. Написал ряд исторических трудов, заключающих драгоценные документы для истории северных и северо-славянских народов, а также богатые материалы по географии и этнографии скандинавских и балтийских стран. — *Прим. В. В.*

¹² Автор имеет в виду экспедицию 1893–1896 гг. под его руководством, когда «Фрам» совершил знаменитый дрейф во льдах от Новосибирских островов до Шпицбергена. — *Прим. В. В.*

¹³ Под названием Лапландского моря (Loppe-havet), почти не встречающимся в литературе, автор понимает примыкающую к северо-западной Норвегии часть Норвежского моря. — *Прим. В. В.*

¹⁴ Хаммерфест расположен на 70 39'15" с. ш. — *Прим. В. В.*

Русские, между прочим, отличаются выгодным для нас вкусом: они любят малосольную рыбу и ничего не имеют против, если последняя, выражаясь мягко, окажется «с душком». Поэтому им можно сбывать всю ту рыбу, которая не по вкусу другим.

Засол в большинстве случаев происходит таким образом, что само судно служит чаном. Рыба сбрасывается прямо в трюм и слегка пересыпается солью: когда трюм полон, судно отплывает к русским рынкам.

Торговые сношения нашего Севера с Россией отличаются еще такой характерной особенностью: согласно мудрым русским распоряжениям, людям, не состоящим в русском подданстве, воспрещено торговать рыбой на севере России; поэтому норвежские шхуны не могут ввозить туда рыбу сами.

И вот русские приходят в Норвегию на своих судах — главным образом в Вардэ или Хаммерфест; сами покупают там рыбу и везут ее домой тоже на собственных судах. Так устраняется конкуренция, которая могла бы помешать тому, чтобы цены в Норвегии устанавливались низкие, а в России — высокие.

Хаммерфест является по преимуществу рыбацким городом, и если подходить к нему в летний день при береговом ветре, то можно еще на большом расстоянии, в открытом море, узнать по запаху, где именно находится город. Нельзя сказать, чтобы этот самый северный в мире город отличался приятным запахом, хотя и сам он, и его гавань хорошо проветриваются дыханием Ледовитого океана.

Оба дня, что мы провели здесь, стояла суровая и холодная погода, мало способствовавшая хорошему настроению. Быть может, кроме погоды давала себя знать и предстоящая разлука с Лив, которая должна была сойти здесь, чтобы отплыть обратно на юг, навстречу солнцу и лету.

